

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН
ЗЕМЛЯ РОДИНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1984

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН
ЗЕМЛЯ РОДИНЫ

*Издательство «Малыш»
Москва 1984*

Художник П. Багин

Есть у нашего народа такая пословица: «Добра мать до своих детей, а земля до всех людей». Эта пословица о том, что для всех нас одинаково светит солнышко, поют птицы, растут деревья, расцветают цветы. Для нас бегут реки, для нас в голубой воде лесных озёр отражаются облака. Для нас для всех. Но ведь все мы не одинаковы: кто полюбуется цветом и запомнит его, а кто сорвёт и бросит под ноги. Кто заслушивается печальным криком журавлей, а кто захочет выстрелить в этих птиц. Потому что одни люди добрые, а другие — злые. Сила доброты в том, что один добрый человек может сделать добрыми и счастливыми многих других людей, а злой — никогда.

Добрый человек — писатель Валентин Григорьевич Распутин. Река, лес, луга, горы, хрустальное чудо природы озеро Байкал — вот где живут герои книг этого писателя. Красота природы помогает человеку стать добрее, а доброта человека помогает природе стать красивее. Вот о чём эта книга.

Откуда же берёт талант Валентин Распутин? От родины. Чувство любви к родине прекрасно. Но любовь к родине должна непременно подтверждаться делом. Делом помощи родине. И об этом тоже наша книга.

Что делает знаменитым то или иное место на земле? Человек и его дело. Небольшая деревня Аталанка стоит далеко от Москвы, далеко вообще от всех городов. Стоит Аталанка на реке Ангаре, а знают её во всей нашей стране, да и не только в стране, во всём мире. Потому что вырос в этой деревне Валентин Распутин, известный советский писатель, чьи книги разлетелись по всему свету. Читают их люди, дивятся русскому характеру, умеющему в самой трудной жизни хранить любовь к человеку, к родной земле, к природе нашей планеты.

Владимир Крупин.

КРАЙ ВОЗЛЕ САМОГО НЕБА

САЯНЫ

Скалы вытянули вверх свои остроконечные головы и, ухватившись за небо, стягивают его вниз. Деревья, как самые бесстрашные альпинисты, выстроившись цепочкой, лезут на скалы. Когда дуют ветры, горы приветствуют друг друга, помахивая ветвями деревьев. Ветры разносят запахи, расплёскивают по тайге горячее солнце, рассеивают снежную муку.

Солнце встречают горы. Они заглядывают за горизонт, жадно подхватывают первые солнечные лучи и загораются чистым, чуть подкрашенным светом. Жидкие тени медленно скатываются с гор и незаметно прячутся под землёй. Сразу же появляется солнце. Несколько часов подряд оно в упор рассматривает себя в неверном зеркале горных речек и отводит свой взгляд только после того, как приходит усталость. Потом тени поднимаются в горы, и никогда не срываются даже с самых крутых скал.

ВЕСНА

Всему свой черёд: наступает пора, когда зима становится никому не нужной. Весенние ветры, свергая её, начинают дуть всё сильнее и сильнее, они уже больше не мешают солнцу и появляются вместе. Зима и весна, как воюющие стороны, теперь стоят друг против друга — весна наступает днём, зима ещё удерживает свои позиции ночью.

Затем весна становится полновластной хозяйкой. Ещё нетронуты, едва-едва слезаясь на солнце, лежат снега, ещё толст и прочен лёд на речках, но всё кругом точно выходит за поворот, откуда открываются в старом порядке новые виды с другими восходами и закатами, с другим небом и другим воздухом. В горах чувствуется радостное волнение — кажется, они сдвинулись поближе друг к другу и отмечают какой-то свой праздник.

ГОРНЫЕ РЕЧКИ

Горные реки — это бунтари, которых никому не удалось сломить. Они ревут, набрасываясь на камни, ворчат, злятся неизвестно на кого, бесстрашно ныряют с порогов, а потом, успокоившись, трутся о скалы.

Горы боятся рек. Горы никогда не спят, наблюдая за ними, боясь, что вода смоеет их, разнесёт маленькими камешками по саянской тайге, разотрёт своими сильными холодными руками и утопит навсегда в своей пучине. Страшно горам. Дода-речка, точно иглой прошила, прошла через скалу и теперь смеётся злобно, показывая каменные зубы и выплёвывая пенистую слюну. Там, где мчится Казыр-река,

ёжятся горы, жмутся от страха друг к другу, прикрываются по утрам туманами, перекликаются звериным рёвом: «Держись! Держись! Держись!», «Эх, Казыр, Казыр, злая непутёвая река!»

Горы держатся за небо.

С Н Е Г

Снег. Первый снег. Новый снег.

Охотники выходят на улицу и блестящими от возбуждения и нетерпения глазами смотрят вдаль — на тайгу и горы.

Притихшая тайга жадно дышит снегом. Собаки несутся по нему, как угорелые, и, взбрызгивая снег, прыгая в своих собачьих играх, поднимают отчаянный лай. Ребятишки катаются по снегу, как по постели. А снег всё падает и падает, падает тихо и чисто, навораживая богатую и удачную зиму. Земля белеет и тяжелеет. На снегу остаются следы.

— Снег, — возбуждённо шепчут охотники.

— Пора собираться,— говорят в каждом доме.

На улице в глаза охотников заглядывают олени.

— Мы знаем,— говорят охотники и показывают на снег:— Вот. Снег. Мы видим.

— Снег!— кричит кто-то изо всех сил.

— Снег!— подхватывает второй голос.

— Снег!— несётся отовсюду.— Снег! Снег! Снег!

Со Змеиной горы, как листья с деревьев, осыпаются камни. Они долго катятся по снегу. На снегу остаются следы.

Пора в тайгу.

Когда тофалары охотятся вместе, они обязательно делают шкурки поровну. Это неписанный закон, которому подчиняются все.

...И называется этот край — Тофалария.

В ОЛЕНЬЕМ СТАДЕ

Оленьё стадо, в котором может быть и триста, и четырёхста оленей, обычно не стоит на одном месте. Зимой олени идут туда, где меньше ветров и снега и больше мха, который они выбивают себе в пищу копытами из-под снега. Самый страшный враг оленя зимой — волк, поэтому пастухи

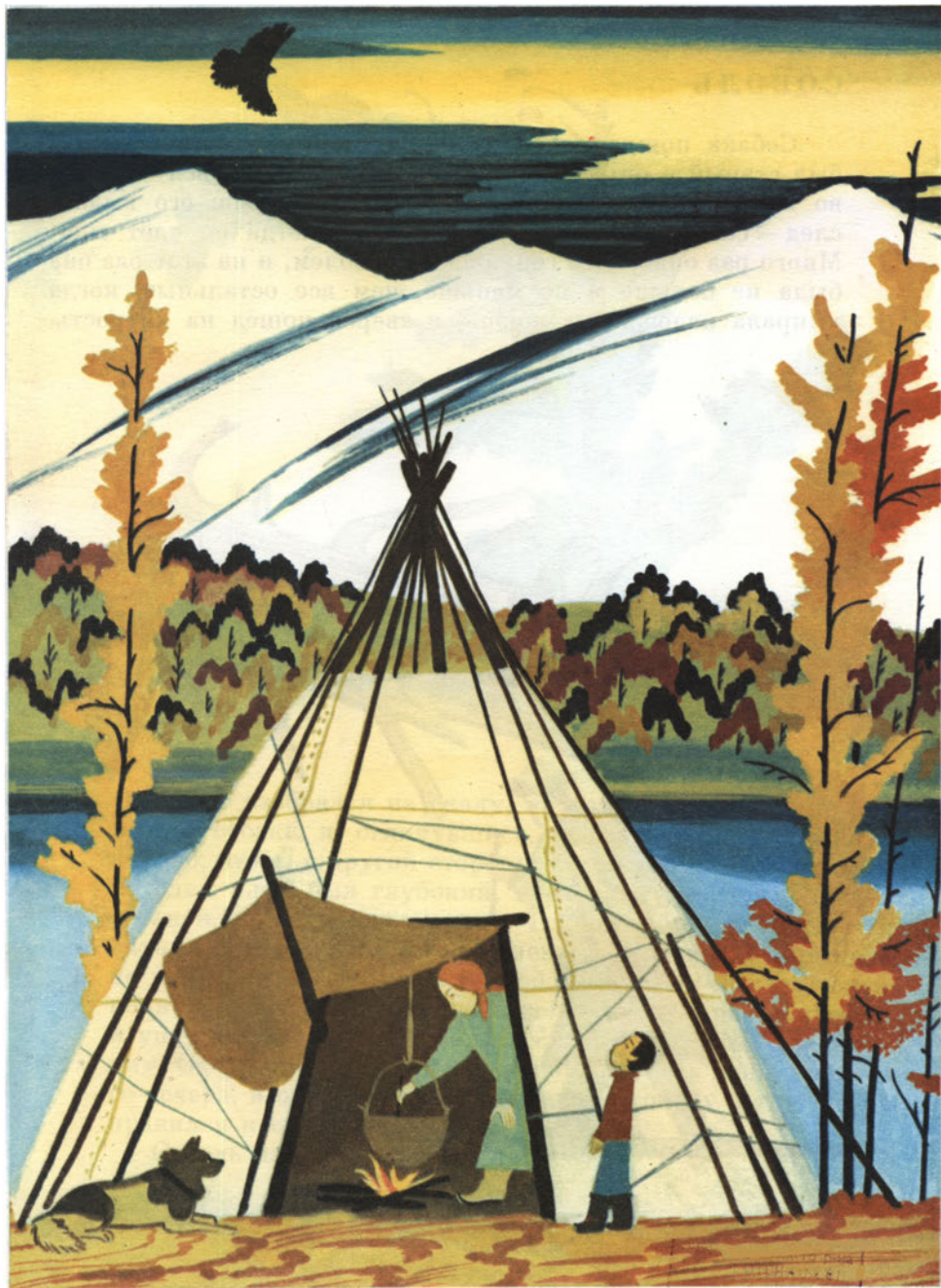

всегда настороже, и самый лучший их друг в работе — собака. Она не только защитит от зверя, но и поможет пастухам собрать всех оленей в загон, где их можно пересчитать, пометить и посмотреть, нет ли среди них больных.

Летом оленьё стадо переходит на богатые травой и водой выпасы. И обязательно эти выпасы должен продувать ветер, чтобы оленей не донимал таёжный гнус. Взрослые олени могут уйти от него в горы, но маленькие оленята не успеют за ними. Маленьких оленят, чтобы они не убежали от стойбища, привязывают к лежащим на земле тяжёлым жердям. Ведь оленёнок поднимается на ноги уже через полчаса после рождения, но ножонки у него слабые, и, поднявшись, он покачивается на них, как на ходулях, и всё же норовит переставлять их в ту сторону, куда вместе со стадом ушла до вечера его мать.

СОБОЛЬ

Собака пошла по следу соболя с самого утра. Соболь был старый и опытный, и он не стал подниматься на дерево и спускаться в нору, зная, что всё равно его выдаст след — самый страшный враг соболя, когда не идёт снег. Много раз опасность гонялась за соболем, и на этот раз она была не больше и не меньше, чем все остальные, когда умирала надежда на жизнь, и зверёк пошёл на хитрость.

Он легко взобрался на скалу, на которую никогда не подняться собаке, и, оглянувшись, увидел, что она бросилась вправо, чтобы с другой стороны найти ход на гору и выйти на след. Снег был глубокий, и охотнику, который шёл за собакой, приходилось трудно. Теперь соболь знал, что делать, и он спустился с горы слева, сделал крюк в несколько километров, ткнулся в свой собственный след, снова поднялся на скалу, подождал, когда собака бросится влево, и ушёл вправо, вычерчивая на снегу громадные «восьмёрки». Охотник устал. Так продолжалось весь день, до самого вечера, и он не выдержал, крикнул собаку и тяжело направился к своей юрте.

Соболь влез на дерево.

КАБАРГА

Летом очень легко увидеть кабаргу, это небольшое и красивое, похожее на оленя, но только без рогов, животное. Даже мальчишки делают из берёсты пикульки и кричат, подражая крику кабаржонка, потерявшего свою мать. И кабарга, как бы далеко ни была она, бежит на него, несётся сквозь тайгу навстречу опасности. Если кто-нибудь осмелится в неё стрелять и даже ранит, а через два, через три дня она снова услышит этот крик, всё равно она побегит на него, позабыв обо всём на свете.

ВОЛК

...Волк загнал кабаргу на скалы. Она сделала последний прыжок на лоскут ровного места перед каменной стеной и остановилась. Волк не мог добраться до неё и остался внизу. Он долго бродил вокруг скалы, потом улёгся на камни. Кабарга тоже попыталась улечься на своём маленьком пятачке, но он был слишком крошечным и неудобным, и ей пришлось стоять, подогнув передние ноги. Когда она смотрела на реку Гутару, то встречала голодные глаза волка. Через трое суток она упала, и волк завыл торжествующе и громко. Вой этот легко перемахнул через каменную стену, на которую не могла взобраться кабарга, и напугал оленей. Потом он утонул в шумной Гутаре.

САМОЛЁТ, ВЕРТОЛЁТ И ОЛЕНЬ

В этом краю, где горы да тропы, всего два средства передвижения — олень и авиация. К самолёту и вертолёту здесь привыкают с самого раннего детства так же, как к лошади и оленю. На весь огромный край тут только три посёлка, между которыми десятки и даже сотни километ-

ров, поэтому ничего удивительного, что в гости здесь летают на самолётах, охотников вместе с собаками и снаряжением забрасывают в тайгу на вертолётах... Да и ребята в школу не ходят, а летают. Они знают по именам всех лётчиков-пилотов и по номерам — все машины местной авиации. У мальчишек первая мечта — стать лётчиком.

ПОЧЕМУ ТОФАЛАРЫ ЖИВУТ В САЯНАХ

— Давно это было, — говорят старики, попыхивая трубками. — Шибко давно.

Когда они были совсем маленькие, старики не помнили. Когда они на охоту не ходили, старики тоже не помнили. Вот как давно это было. Есть возле Верхней Гутары Сопигора. Тогда все горы такие были. На верхушку посмотришь — шею сломать можно. Есть по речке, по Бирюсе,

кедрач невиданный и неслыханный — весь в шишках, как шерсть на звере. Тогда везде такой кедрач был. Шибко рясный да наливной. Белку тогда самый умный человек за сто лет ни за что бы не сосчитал. Ой, много белки было!

А тофалары в те далёкие времена жили совсем в другом месте, где не было гор и тайги. Но затем, то ли спасаясь от злого врага, то ли подыскивая для своих детей более мирную и богатую родину, они всем народом ушли в горы, где никогда не бывал ни один человек и где деревья падали на землю только от старости. Они приручили оленей и стали бить зверя, научились ловить рыбу и стрелять белку. На охоте они пели песни, а по вечерам в юртах рассказывали друг другу сказки, и не было среди них человека, который не любил бы их слушать и не умел бы их рассказывать. Песни слагались про высокие горы и про дремучую тайгу, которую не может согреть солнце, про работяг-оленей и про мох, которым они питаются, про долгую суровую зиму и короткое, но щедрое лето — про всё, с чем встречались тофалары в жизни, и обо всём этом часто пелось в одной песне, потому что у неё не было конца. На следующий день песня продолжалась, как продолжалась жизнь. А в сказках если и действовали злые силы, то недолго, и им приходилось плохо, ведь в горах, вздыбившихся на многие сотни километров, очень мало хоженных троп, и на них нельзя разминуться добру и злу.

ТЫ — ТОФАЛАР, И Я — ТОФАЛАР

До Октябрьской революции тофаларов называли карагасами. Карагас в переводе на русский — это «чёрный гусь». Тофалары и сами не помнят, кто и когда дал им это обидное прозвище, но они носили его многие века. Точно так же иногда к хорошему человеку пристаёт какая-нибудь кличка и забывается его собственное имя. Когда наступили новые времена, карагасы отказались от своего

прозвища и называли себя тофаларами. Тофалар — значит человек. Охотник, кочующий по тайге, заезжал тогда во все юрты, которые встречались на его тропе, здоровался и говорил:

— Мы — тофалары. Ты — тофалар, и я — тофалар. Карагасов нету. Пускай шайтан зовёт себя карагасом. Я — тофалар, и ты — тофалар.

НА РЕКЕ АНГАРЕ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мальчику исполнилось шесть лет, и не просто исполнилось, а именно в этот день — Первого мая. Ледоход обычно тоже приходился на конец апреля — начало мая. Ему, мальчишке, мало было того, что его день рождения столь удачно совпал с праздником, ему ещё хотелось, чтобы к этому дню обязательно тронулся лёд на Ангаре.

С раннего утра Первого мая он сидел на берегу, вглядываясь в посиневший, вспучившийся лёд. Никогда ещё не приходилось ему видеть первый, решающий толчок, который срывал лёд с места, и теперь он ждал его с нетерпеливым вниманием, больше всего на свете боясь, что день кончится раньше. Где-то в деревне пели, ярко светило солнце, с низовий даже и не дул, а легонько плыл над рекой мягкий, ровный ветерок, донося откуда-то свежий и прохладный вербный запах только что освободившейся воды. Река беспокойно возилась, покачивалась, вздыхала.

Порой изнутри доходил глухой, утробный шум, затем раздавался быстрый и сильный, как выстрел, треск, и по льду вспыхивали трещины. Вот-вот всё это должно было сорваться с места, закружиться, зашуметь, поплыть, но стояло. Держалось какими-то силами, цеплялось за что-то, упиралось, но никуда не двигалось. Весь день он прождал понапрасну, вечером его с трудом увели домой.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Среди ночи он проснулся от неясного, дальнего гула, который то затихал, то вдруг возникал снова. В другой раз шестилетний мальчишка наверняка тут же спрятался бы от него с головой под одеяло и постарался скорей уснуть, но теперь последняя надежда заставила его пересилить страх и подняться с постели. Следуя какой-то посторонней властной силе, он ощупью добрался до двери, неслышно приоткрыл её и выскользнул на улицу. И небо, и земля были затянуты сплошной, крошечной теменью, сквозь которую ничто нигде не проступало, но дорогу к реке он знал и с закрытыми глазами. Смешно и неловко подпрыгивая, боясь налететь на забор, но ещё больше боясь идти шагом, он бросился на берег.

Здесь было светлее. Ото льда поднималось слабое серое мерцание. И в нём он легко рассмотрел, что река как стояла, так и стоит. Ничего в ней с вечера не изменилось. Она даже как бы успокоилась, притихла.

Где-то далеко в тайге зарокотало, набрало силу и покатилося, покатилося прямо на деревню, грозя раздавить и смять её, и, только чуть-чуть не докатившись, развалилось. Надвигалась гроза. То, что он принял за шум реки, было громом небесным, первым в ту весну, родившимся неожиданно и поначалу негромко. Вспыхнул и тут же погас короткий свет молнии, и снова направился гром, выпрямляясь в своём движении над рекой, и снова застрял неподалёку от деревни.

Небо теперь было могучее и страшное. По краям, сливаясь с землёй, оно уходило в бесконечную темь, сверху нависало огромной беспокойной тяжестью. В нагромождении туч, двигаясь и меняясь, зловещей синевой пылали какие-то полосы и пятна. В промежутках между ударами грома, когда наступала тишина, с высоты доносился невнятный, едва уловимый шум — не то шуршание туч, не то приглушённый свист ветра.

Гром гулял уже над самой деревней. Он начинался неохотно, лениво, словно не зная, стоит или не стоит греметь, но, растравив себя ворчанием, вдруг делал мгновенный и яростный прыжок в сторону и тяжело, натужно лопался, взрывался, разбрасывая вокруг множество гремящих осколков. Не успевал отшуметь один раскат, возникал другой.

Гроза, добиваясь дождя, всё накалялась и накалялась. Небо из совершенно чёрного, непроглядного стало тёмно-багровым и выделилось чётче. Гром бил размеренно и зло, без той сдержанности и игривости, что были вначале, он взрывался сразу и, не ослабляя, гнал этот взрыв, покуда где-нибудь в другой стороне не вспыхивал новый. Всё вокруг было заполнено только грохотом, подстёгиваемым частыми взмахами молний, всё сжималось и трепетало перед ним, а ему уже не хватало пространства, он задыхался от ярости... — вот-вот должно было произойти что-то и совсем уж страшное.

ЛЁД ИДЕТ!

И оно произошло. Молния хлестнула, как обычно, тонким, длинным росчерком, но не погасла, а вдруг, словно запутавшись, закружилась, заплясала и разошлась широким концом, обнажив жуткий голубой огонь. Бешеной, небывалой силы грохот сразу же охватил всё небо, раздирая на части, — оно треснуло и обвалилось.

Мальчишка закричал и упал, не смог устоять, но сразу

же опять вскочил на ноги. Он услышал, хотя не в состоянии был ни слышать и ни видеть, каким-то чудом он услышал, как звук раздираемого неба, слабей и легче, но тот, тот самый звук повторился где-то неподалёку от него. В неожиданно-радостном предчувствии он вскинул голову и увидел, как, ломая лёд, выносит середину реки. Её только-только сорвало, её полоса была совсем неширокой.

И сразу же упал дождь. Гроза стала быстро отходить, молния взблескивала лишь в одной стороне, на самом краю неба, тут же, совсем присмирив, переместился гром. Небо потемнело и притихло. Из него сыпал дождь.

...Ещё несло льдины, лёд лежал на берегах, а ребяташки уже забрасывали в мутную зеленоватую воду перемёты. Вскрывшаяся река была полной и нетерпеливо-быстрой; от её открытого, свободного движения вокруг становилось сразу просторней и выше; в звонком и лёгком воздухе со свистом проносились стрижи, снижаясь и чиркая о воду белыми брюшками; звучала капель из нависших над каменишником тяжёлых ледяных козырьков; весело и широко играло солнце. Было какое-то особое — чуткое и тайное счастье в том, чтобы, чуть приподняв нитку перемёта над водой, слушать, как тыкает рыба наживку; в волнующем ожидании замирало сердце, и весь огромный мир сходил в одну эту тонкую нитку, по которой передавались толчки.

Скоро река выправлялась, освободившись от всего лишнего, чужого, снесённого в неё с гор шалыми весенними речками и ручьями; вода в ней становилась тёмно-голубой, прозрачной, так что далеко было видно дно; течение натягивалось, находило свою неторопливую, спокойно-быструю силу, которую могло сбить только долгое ненастье.

НА ТЕПЛОХОДЕ

В своё первое путешествие мальчик тоже отправился по реке... За окном теплохода, за неширокой полосой воды, всё скользил и скользил берег, за кормой удивлённо и неохотно вскипала вода и, подбравшись, катила на две стороны волны. Берег часто менялся: то низкий, ярко-зелёный, на свежей зелени пасутся коровы, то за поворотом сразу яр, наверху постройки, вниз, к воде и лодкам, ведут ступеньки, возле лодок прыгают, что-то кричат и машут руками

ребятишки, возле домов, прикрываясь от солнца ладошками, стоят взрослые.

Вот и солнце ушло, на берега легла сплошная густая тень, и только у самой воды узкой полоской желтел каменишник. Горы вдали, молчаливые и низко сгорбленные,

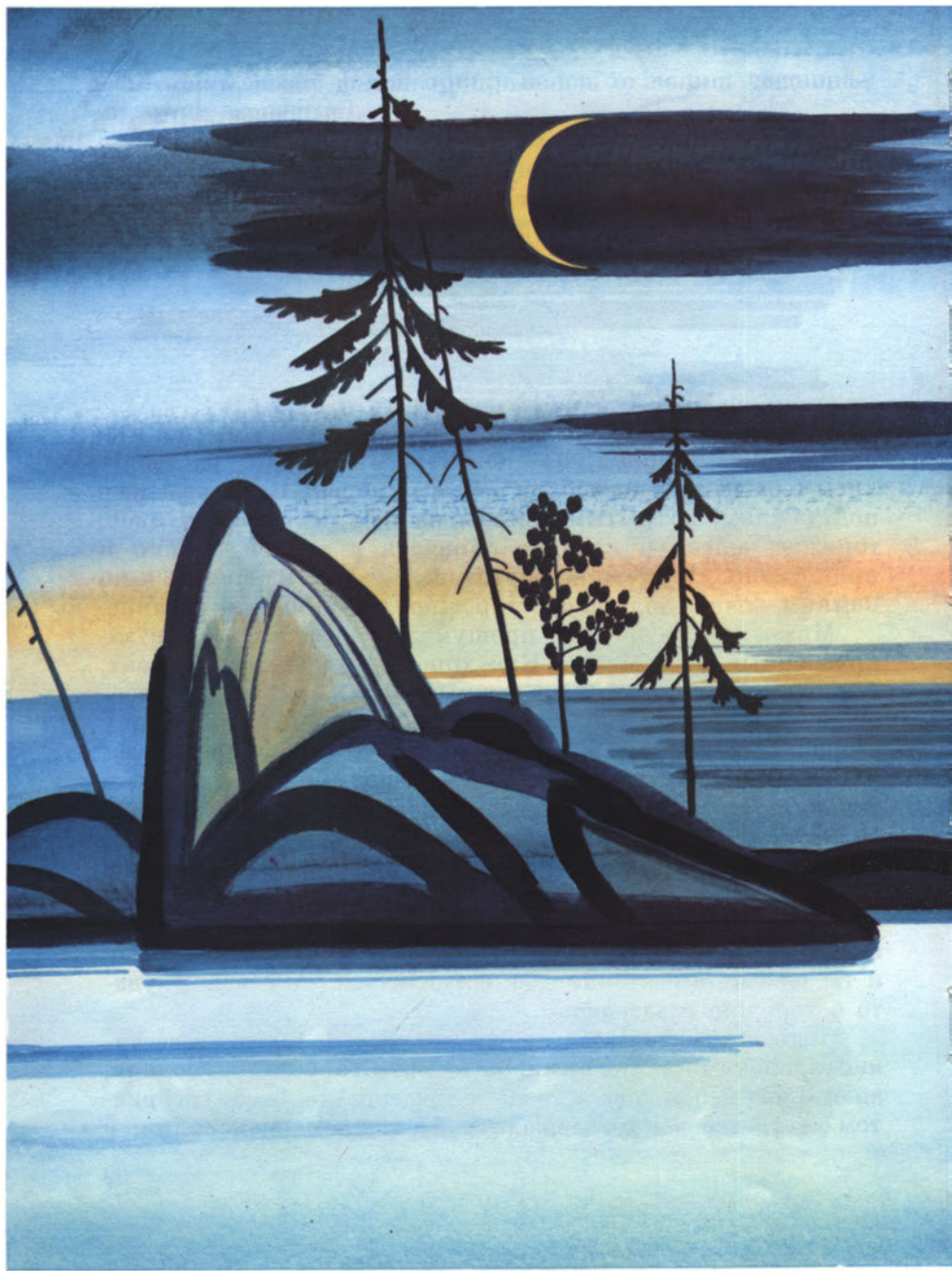

заволакивало серой, едва уловимой дымкой. Кое-где уже пробивались огоньки, но, помигав, пропадали, растворялись в неверном и зыбком свете сумерек. Небо казалось подтаявшим, размытым, звёзды на нём не проклюнулись, горизонт мягко и невидно сливался с землёй. Мерно и приглушённо шумела за бортом вода, да от катившейся по камням волны долетало осторожное и ленивое журчание.

Мимо, совсем близко, прошумел остров, высокий и закруглённый, как баржа. Как хорошо теперь на островах, где поднимаются мягкие и нежные, будто мех, травы и особенно ярко и щедро цветут цветы. От ветров гнутся в одну сторону деревья, но стоят крепко, кряжисто, широко раскинув цепкие и тугие корни. Возле воды заросли ольхи и тальника, а дальше ягодник — больше всего смородины. И всегда на острове возникает удивительное — обманчивое и одновременно верное ощущение движения, словно ты на корабле, на пароходе, плывущем медленно и важно. Знаешь, что стоишь на твёрдой земле, но под ногами, передвигаясь, мелко подрагивает, поворачивает то влево, то вправо, и ты уже не в состоянии сопротивляться — плывёшь куда-то осторожно и загадочно.

Ночь на реке. Звёзды, ещё не назрев, были по-весеннему далёкими и мелкими. Зато луна, круглая и полная, висела под небом совсем низко и празднично. В её серебристом свете всё вокруг лежало в блаженном оцепенении, и

только река, в глубине которой отражалось ночное небо, сверху отсвечивала зелёным надменным сиянием.

С неба сорвалась звезда и, прочертив горящую линию, погасла. И тут же невесть с чего, как спросонья, коротко и жалобно хныкнул гудок теплохода. В отходящей к берегу волне, удлиняясь в свечки, играли звёзды. Встречный ветер, треплющий освещённый прожектором флаг теплохода, дул поверху и не тревожил речную гладь. Изредка сбоку возникали жёлтые или красные огни бакенов, возле них шумела вода.

Широко и ярко гуляла над землёй ясная майская ночь, но на востоке, там, где заниматься заре, начинал слабеть край неба. Шёл новый день...

ЗА РЕКОЙ

Летом они всей семьёй уплывали за реку на сенокос, брали там ягоды, потом грибы. Мальчик запрашивал себе у бакенщика два ближних к сенокосному наделу бакена, по вечерам зажигал их, по утрам гасил, научился не хуже взрослых подниматься в лодке на шесте, управляться с одноручным веслом. Ему доставляло неустанное, бесконечное удовольствие бывать на реке, заглядывать в её жуткую, заманчивую глубину, в сильный вал, испытывая своё счастье, сталкивать лодку и грести от берега, всё дальше и дальше, взлетая и проваливаясь в волнах, а затем, удачно вернувшись, считать себя победителем и думать, что река после этого сразу стала спокойней.

В ЛОДКЕ

В тёмные осенние ночи дедушка брал мальчика с собой лучить. В носу лодки ярко и бойко горело смолье. Дедушка, широко расставив ноги и терпеливо вглядываясь в воду, стоял подле огня с наготовленной острогой, а он,

сидя в корме, бесшумно правил веслом. Река устало и глухо сносила их вниз.

В тяжёлом металлическом цвете воды слабо поблёскивал опавший лист.

Лопались и меркли пузырьки. Где-нибудь посреди реки

невесть с чего в спокойную погоду долго держалась на одном месте длинная полоса зыби, мерцающая непонятным волнением, которая затем так же неожиданно, как и появлялась, исчезала. Было сыро и зябко, огонь лишь дразнил недостающим теплом, но было и тревожно-сладостно, необыкновенно на душе от проплывающих в строгом молчании склонённых с берега кустов, от таинственных всплесков, возникающих то здесь, то там, от дальнего крика ночной птицы, от сказочной пляски огня, на который где-то мчится и никак не может остановиться ошалевшая от его сияния рыба.

336 И ОДНА

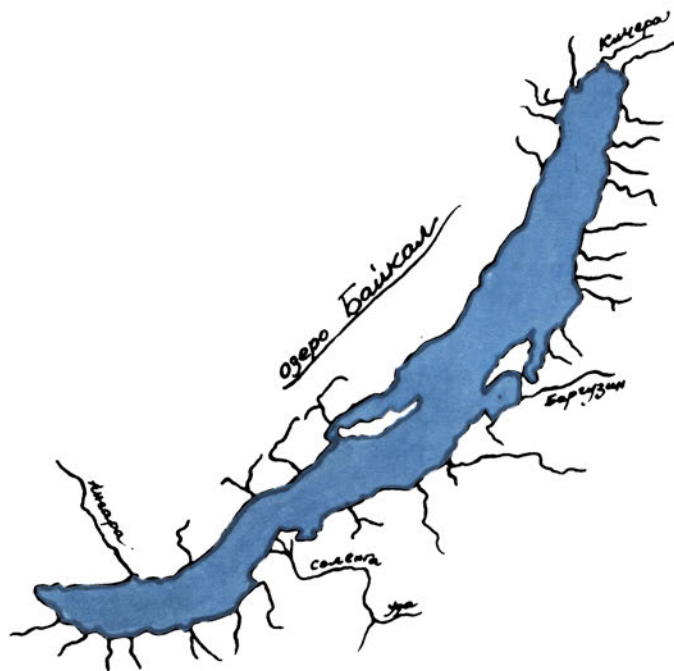
Тайга никогда не волновала и не пыталась мальчика так, как река. Тайга оставалась и должна была оставаться на месте, между тем как река могла исчезнуть, уплыть, кончиться, обнажив на память о себе голое каменистое русло, по которому станут бегать собаки. По утрам, боясь признаться в этом даже самому себе, он осторожно шёл проверить, не случилось ли что-нибудь с рекой, и не понимал, почему это больше никого не тревожит, почему все спокойны, что река и завтра будет течь так же, как текла вчера и позавчера.

Потом взрослые люди объяснили ему, что его река особенная, не похожая на обычные реки, которые начинаются с маленьких ручейков, а затем, набирая воду, принимая на себя всё новые и новые притоки, становятся широкими и полноводными, такими, какие они есть.

Его же река вытекает из огромного озера, даже моря, из знаменитого Байкала, богаче и красивей которого во всём мире ничего нет. В Байкал впадают 336 больших и маленьких рек, а выносит эту воду одна Ангара. Поэтому она не может кончиться, объяснили мальчику. Он представил себе 336 рек и свою реку, с восхищением подумал о её силе и

успокоился. Нет, его река, не похожая на все другие реки, самая замечательная в свете река, высохнуть и умереть не может.

Он был ещё мальчик и других опасностей для реки не знал.

В ТАЙГЕ НАД БАЙКАЛОМ

ПО БЕРЕГУ ПО БАЙКАЛЬСКОМУ

Саня ахнул и невольно приостановился, когда, спустившись с горы и вывернув из-за последнего дома посёлка, увидел он утром на площадке, где притормаживал поезд, огромную толпу народа. В серых и вялых утренних сумерках, когда ни свет ни темь, толпа действительно казалась огромной — много больше, чем живёт в посёлке, и люди с трёх сторон всё подходили и подходили.

— Что-то уж сильно много, — озираясь, сказал Саня, у которого испуг от многолюдья ещё не прошёл. — Неужели они все за ягодой?

— Ягоды всем хватит, когда бы по-людски её брать, — ответил дядя Митяй.

...Поезд шёл медленно и неровно, подёргивая старый скрипящий вагон. Да это и не поезд был, а скорее грузовой состав, к которому прицеплялось для пассажиров когда три, когда четыре вагона. Рано утром уходил состав из

посёлка и поздно вечером возвращался, толкая в вагонах, выгородках и открытых платформах уголь и бензин, сборные деревянные дома, металлические конструкции и печенье-конфеты, огромные и красивые, сияющие яркой краской, походные электростанции. Всё это в посёлке перегружалось на корабли и по Байкалу доставлялось потом на северную стройку.

Прежде тут проходила знаменитая Транссибирская магистраль. Из Иркутска она шла левым берегом Ангары и этим берегом Байкала устремлялась дальше на восток. На знаменитой Транссибирской магистрали Кругобайкальская железная дорога была ещё более знаменитой — по трудности прокладки и эксплуатации пути, а главное — по красоте и по тому особенному и необыденному духу, который и в работе, и в дороге может дать только Байкал.

Поезд, бывало, останавливался на удобном и красивом береговом километре, и расписания так составлялись, чтобы он мог постоять, а люди могли поплескаться друг другу в

лицо байкальской водичкой, поохать и поахать над всем тем, что есть вокруг, и ехать потом дальше с затаённой мечтой увидеть и почувствовать всё это снова.

Эта прежняя жизнь оборвалась вот по какой причине: стали строить Иркутскую ГЭС, и потому железную дорогу с берега Ангары, который затоплялся новым водохранили-

щем, потребовалось переносить выше. От Иркутска её спрямили, выведя без зигзагов сразу в самую южную точку Байкала — на станцию Култук, а эта часть дороги от Култука до Байкала осталась, таким образом, не у дел и упёрлась в тупик. Одну рельсовую нитку сняли, другую на всякий случай оставили.

Но то, что не разобрали вторые пути, теперь, когда гремел БАМ, оказалось кстати, и хотя поезд делал по-прежнему за день один круг, рано утром уходя и поздно вечером возвращаясь, шёл он обратно тяжелее и был длиннее. Ягодников это расписание как нельзя более устраивало, чтобы доехать до нужного места.

Они сошли на 102-ом километре, и дядя Митяй, дурачась, замахал машинисту рукой: трогай, больше нам тут никто не нужен!

Т Р О П А

Бессчётное число раз переходили они речку с берега на берег, поднимаясь встречь ей по распадку, то прыгая по камням, то перебираясь по упавшим поперёк лесинам, то вброд, а то перешагивая в узких глубоких горловинах, в которых клочкотала тёмная вода. Тропа на белых, как высушенных, камнях терялась, не оставалось, сколько ни осматривался Саня, никакой мало-мальской приметы, но дядя Митяй словно бы видел её поверху и точно выходил на её продолжение. Они шли то по крутому откосу, где больше сил тратилось, чтобы, упираясь, не скатиться вниз, чем передвигаться вперёд; то по такому узкому прижиму рядом со скалой, на котором не только не разминуться вдвоём, но и одному было тесно, так что приходилось заплетать ноги, чтобы шагать в линию; то по высокой, выше человеческого роста, траве в заболоченных низинах. Но затем тропа, давая отдохнуть, забирала в лес, становилась сухой и широкой, шагу ничего не мешало, и идти по ней было одно удовольствие.

Тайга стояла тихая и смурная; уже и проснувшись, вступив в день, она, казалось, безвольно дремала в ожидании каких-то перемен. Про небо в густой белой мути нельзя было сказать, низко оно или высоко, из него словно вынули плоть и осталась одна бездонная глухая пустота. Солнце сквозь неё не проникало, не было и ветра — тяжёлые, раздобревшие за лето деревья стояли недвижно и прямо, охваченные истомой, и только над речкой, повинувшись движению и шуму воды, подрагивали на берёзках и

кустах листья. Время от времени вспархивали птицы. Однажды, шагая, путники испугнули с тропы выводок рябчиков, но и он снялся и улетел спокойней обычного, чтобы не нарушать общей тишины.

Чем дальше уходили они, тем больше становилось кедрача и тем чаще задира́л Саня голову, высматривая шишки. Их было много, и висели они — как сидели в густой тёмной хвое, пузато заваливаясь на сторону в поисках опоры.

Потом они оставили речку и взяли от неё влево. До этого всё время тянулся подъём, то положе, то круче, он и теперь продолжался, но они пошли наискось горе, и шли, обманывая её, поначалу легко. Кедрач и ельник остались внизу, начался осинник с высокой и уже полёгшей травой, закрывшей с обеих сторон тропу так, что её нащупывали только ноги. Потом и осинник поредел, всё снова пошло вперемешку — кедры, сосны, берёзы, ели, а гора, которую они старательно обходили, словно перехитрив их, развернулась и встала перед ними в рост.

Лес всё больше и больше редел, освобождал небо, — казалось, вот-вот они взберутся наконец на вершину, откуда начнётся крутой спуск; оттого и открылось небо.

С М Е Р Ч

Крутизна действительно поубавилась, в лицо дохнуло свежестью. Саня шёл с опущенной головой, глядя себе под ноги.

— Перекур! — объявил дядя Митяй и сел на первое поваленное дерево, как-то без удовольствия, мрачно довольный тем, что он может ему показать. — Дальше по-пластунски.

Саня не верил глазам своим: только что шли по живому, как всегда на перевале, аккуратному, весело и чисто стоящему лесу и вдруг... Отсюда, где они остановились, и докуда-то дотуда впереди, где это кончалось, огромной

и неизвестно сколько длинной полосой вправо и влево всё было снесено какой-то адской, чудовищной силой. Деревья, наваленные друг на друга, высоко вверх задирали вывороченные вместе с землёй гнёзда корней, топорщились сучьями с не облетевшей ещё жёлтой хвоей, валялись обломками, треснувшими вдоль и поперёк. Таких завалов Са-

ния и представить себе не мог. То, что не выворотило с корнями,—больше всего это были ели и кедры, обломало, оставив уродливо высокие и расщеплённые пни, стоящие в причудливом и словно бы не случайном порядке. Только кое-где уцелел подрост, и его зелёная хвоя и зелёные листья, уже осмелевшие и продирающиеся вверх, казались среди этого общего поражения неуместной игрой в продолжающуюся жизнь.

— Но что это?.. Что тут было?—едва опомнившись, спросил Саня.

— Смерч,—сказал дядя Митяй.

— Какой смерч?

— Такой, с Байкала.

И вот через эту полосу, шириной не более километра, они продирались часа полтора. Дядя Митяй шёл с топором, часто останавливаясь и обрубая сучья, отбрасывая их на сторону, и всё равно идти было тяжело. Они то подлезали под стволы снизу, то забирались наверх и двигались по стволам, как по прекращённым и запутанным мосткам, перебираясь со ствола на ствол, чтобы хоть несколько шагов, да вперёд. Шли замысловатыми зигзагами — куда можно было идти.

СОСНЫ

Но когда выбрались они наконец из завала и, пройдя ещё минут пятнадцать по чистой тропке, поднялись на вершину, обрывисто стёсанную слева и сосупающую вправо каменистым серпантином, когда неожиданно ударил им в глаза открывшийся с двух сторон необъятный простор в тёмной мерцающей зелени, победно споривший в этот час с белёсой пустотой неба, — за всё, за всё они были вознаграждены. Среди огромных валунов, заросших брусничником, важно и родовито, не имея нужды тянуться вверх, стояли — не стояли, а парили в воздухе — могучие и раскидистые сосны, как и должно им быть царственными и могучими в виду многих и многих немереных километров вольной земли. Здесь был предел, трон — дальше и внизу, волнисто вздымаясь к дымчатому горизонту и переливаясь то более светлыми, то более тёмными пятнами, словно бы соскальзывая и упираясь, широким распахом стояла в таинственном внимании державная поклонная тайга.

Где-то рядом, сердито заявляя свои права на эту округу, засвистел бурундук. Дядя Митяй засмеялся:

— Да уйдём, уйдём, парень. Посидим и уйдём.

КОСТЁР

Славное это было место: на сухом взгорке среди елей и кедров.

Под защитой огромного, густо и широко разросшегося кедра и стоял шалаш, крытый корой и ветками и устланный от земли старым лапником и травой.

Рядом чернело кострище, аккуратно и по-хозяйски обустроенное и обложено камнями, с наготовленным таганком и свисающими с него закопчёнными берёзовыми рогульками для котлов. А чуть поодаль, со стороны реки, высоко упавшую лесину сверху затесали и приспособили под стол.

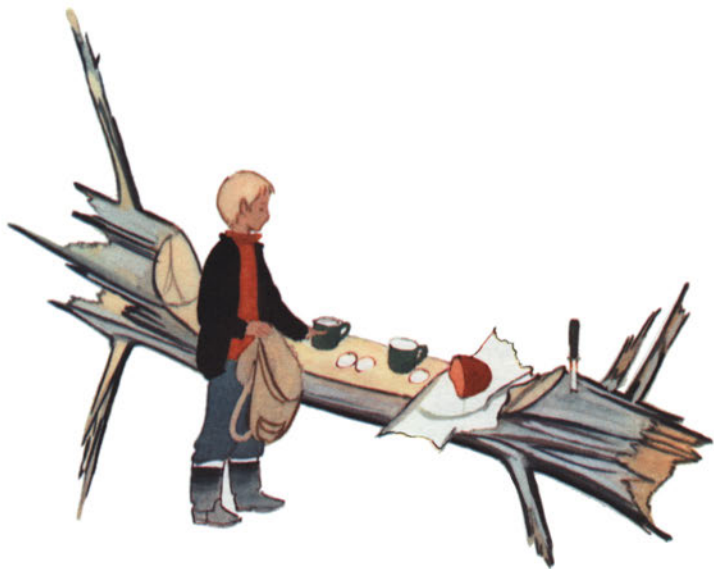

И чисто, обжито было здесь: ни бумаги, ни банок, ни склянок — порядок, заведённый человеком, поддерживала и тайга. Сухие сучья, накинанные ветром, словно приготовлены были для растопки, чтобы не искать её человеку, и загорелись сразу. Дядя Митяй, распорядившись весело и нетерпеливо, сгонял Саню за водой, и, пока нарезали хлеб, пока доставали принесённую еду и раскладывали её в ряд на длинном и узком постолье, пока то да сё — чай был готов. Пили его после трудной дороги всласть и, попив, разморились, ословели от сытости, от густо и недвижно стоящего воздуха и усыпляющего бульканья воды в речке. Потянуло отдохнуть. Позёвывая, дядя Митяй позволил:

— Ладно, полчаса на отлётку — самое то. Только чтоб ни одна нога не хрумкала. Успеем, наломаемся.

Он лёг подле затихавшего костра, подложив под голову шапку и подстелив под себя телогрейку, которая зимовала и летовала у него здесь не один уже год.

А Саня сидел у лесины, где пили чай, на камне и, расслабившись, безвольно и дремотно, смотря и не видя, слушая и не слыша, открылся для всего, для всего, что было вокруг: для широкой заболоченной низины за речкой, сплошь заросшей голубичником и размеченной корявыми берёзками; для низкого неба, начинающего постепенно натекать какой-то мутной плотью; для приглушённых и зыб-

ких звуков, доносящихся, как неверное эхо, из глубины переполненного тишиной мира. И всё это вливалось, входило, вносилось нарочком и ненарочком в забывшегося в сладкой истоме мальчишку. Всё это заворожило и обморило его до того, что захотелось застыть здесь, как истукану, и никуда не двигаться.

Было душно. По щеке неподвижно лежащего на боку с закрытыми глазами дяди Митяя струился пот, его пила большая сизая муха, то отбегая, то снова припадая бархатной членистой головкой к натекающей влаге и не давая ей скатиться за шею. Эта муха в конце концов разбудила дядю Митяя, он сел, встряхнулся, отёр рукавом пиджака пот и осмотрелся.

— Кончай ночевать,— негромко сказал он, позёвывая и внимательней всматриваясь в небо.

— Начали, Санёк, начали,— возбуждённо повторял дядя Митяй, когда они перешли речку и встали перед ягодником.

Издав губами отрывистый, понукающий звук, дядя Митяй наклонился над кустарником, и Саня услышал, как голо, отрывисто упали в его котелок первые ягоды, а потом, падая и падая, перешли в частый и мягкий бормоток.

ЯГОДЫ

Столько ягоды Саня никогда ещё не видывал. И не представлял, что её может столько быть. Он ходил раньше не раз с бабушкой за малиной, ходил в прошлом году с папой и дядей Митяем здесь же, на Байкале, в падь Широкую за чёрной смородиной; то был первый его серьёзный выход в тайгу, окончившийся удачно, но они брали тогда по оборышам, подчищая остававшееся после других, и хоть набрали хорошо, большого удовольствия это не доставляло. Тут же на этот раз они были первые, никто до них ягоду тут не трогал и не мял, аросло её на диво, в редкий год, по словам дяди Митяя, удаётся такой урожай. Теперь Саня

знал, что это такое — кусты ломятся от ягоды: они действительно ломились, лежали от тяжести на земле или стояли согбенно, поддерживая друг друга в непосильной ноше.

Саня раздвигал кусты и замирал от раскрывшегося потряженного густоплодья. Дымчато-синяя, сыто и рясно подрагивающая сыпь ослепляла, вызывая и удивление, и восторг, и вину, и что-то ещё, чему Саня не знал имени и что западало в душу вместе со скрепляющим чувством — смутным и добротворным. Нагибая к себе куст, обряженный то круглыми, то продолговатыми плодами, Саня

приступал к нему с игрой, которая вызвалась сама собой и нравилась ему. «Не обижайся,— наговаривал он,— что я возьму тебя... я возьму тебя, чтоб ты не пропала напрасно, чтоб не упала на землю и не сгнила, никому не дав пользы. И если я тебя не возьму, если ты не успеешь упасть на землю и сгнить, всё равно тебя склюёт птица или оберёт зверь — так чем же хуже, если сейчас соберу тебя я? Я сберегу тебя,— Сане не хотелось признаваться, что он будет варить или толочь ягоду, это казалось варварством,— и зимой маленькая девочка по имени Катя, которая часто болеет... — и грубым, бестактным казалось называть себя — то, что он станет есть ягоду, и Саня вспоминал свою двоюродную сестру, которой и в самом деле перепадало немало варенья, так что Саня здесь не совсем лгал —... и маленькая девочка по имени Катя... она очень любит голубицу, любит тебя, ты очень помогаешь этой девочке. Когда мы приедем домой, ты увидишь её и поймёшь, как ты нужна ей... не обижайся, пожалуйста».

И как приятно было, не заглядывая в бидон, ощущать его всё возрастающую и возрастающую тяжесть, а потом, опуская ягоду, словно бы ненароком натолкнуться рукой на его поднявшееся тёплое нутро: так быстро! И идти с наполненным бидоном к шалашу, постоять подле ведра, прежде чем высыпать в него, засмотревшись на парную и живую, томно дышащую — каждая ягодка отдельно — светло-глянцевую синеву сбора. Снизу, когда Саня высыпал голубицу в ведро, она уже была отпотевшей и тёмной и казалась задохнувшейся. Отсюда, снизу, можно было кинуть наконец несколько ягодок в рот, обмереть на мгновение от растекшейся под языком сладости и нежно тающей плоти и, причмокивая, медленно возвращаться обратно к кустарнику, а там на десять, на пятнадцать минут и вовсе забыть про бидон, словно бы допивая начатое снадобье, всё дополняя и дополняя его неоговоренную меру.

Нет, нету на свете ягоды нежней и слаще голубицы, и стойким надо быть человеком, чтобы принести её из лесу в посудине.

ДОЖДЬ

Пошёл дождь, но никто из них ничем не отозвался на него, не заторопился в шалаш, каждый ещё больше заторопил руки. Дождь, падая на кустарник, шумел густо и звучно; мокрую ягоду брать стало трудно, она давилась, мялась, к рукам налипали листья. Быстро темнело, и только тогда, спохватившись, дядя Митяй прокричал отбой. Саня успел к этой поре высыпать в ведро три трёхлитровых бидона, наполнив его больше чем наполовину.

В темноте и под дождём они рубили и подтаскивали дрова, нагатавливая их на сырую и беспокойную ночь. Вскипятили опять чай и, забравшись в шалаш, пили его при свете костра долго и сладостно, как можно наслаждаться им только в тайге после нелёгкого и удачного дня.

НОЧЬ

Это была первая Сапина ночь в тайге.

Тьма упала — хоть пожом режь, в ней не видно было ни неба за кругом костра, ни сторон, сплошным шумом шумел там дождь. Он то примолкал ненадолго, то припускал сильней, и сильней тогда начинал шинеть костёр, сопротивлявшийся воде, с досадой выстреливая вверх угольками и принимающийся время от времени для острастки поддувно и сердито завывать. Но огонь горел хорошо, дядя Митяй перед тем, как окончательно укладываться, навалил на костёр, положив их рядом, две сухие лесины, которых должно было хватить надолго. Саня сидел и смотрел, как мечутся по этим лесинам маленькие древесные муравьи, как отгорает и опадает щепка, обнажая источенное ими, похожее на опилки, зернистое крошево.

Дождь опять стал примолкать, во вздымающемся воздухе ощутимо донёсся запах можжевельника и кедровой смолы. Перевернулся с боку на бок и что-то пробормотал спросонья дядя Митяй. И ещё тише стал дождь, он висел над

костром на тёмном фоне парящим бусом. Саня замер, приготовившись, почему-то предчувствуя, что вот сейчас... И вдруг тьма единым широким вздохом вздохнула печально, чего-то добившись, затем вздохнула ещё раз.

Ожидание и нетерпение исчезли, захотелось спать. Он уснул быстро. И вдруг проснулся, испуганно зашептал: — Дядя Митяй! Дядя Митяй! Поднимайся! Кто-то ходит.

— Кто ходит... Медведь, наверно, ходит, — недовольно отвечал Митяй. — Кому тут ещё ходить?!

— Слышишь? Ты послушай!

Дядя Митяй, продолжая сердито ворчать, поднялся и стал поджиглять костёр. Затрещали посылавшие в стороны искры, затем ровно загудел огонь. Когда дядя Митяй вернулся на своё место, Саня уже спал: слова о медведе мало встревожили его — или он окончательно не проснулся, или подействовал спокойный голос дяди Митяя.

И ещё раз он услышал сквозь сон, как где-то далеко голос дяди Митяя ворчливо объяснил:

— Да ты не бойся, спи. Походит и уйдёт. Ему же интересно поглядеть, кто это тут, вот он и выглядывает. Больше мы ему ни про что не нужны. Если бы ты тут жил, а к тебе бы, главное, медведи без спросу прииёрлись, на твою территорию, — тебе, что, не интересно было бы? И ты бы так же бродил.

Больше Саню уже ничто не могло разбудить.

У Т Р О

Первое, что увидел Саня, открыв глаза, было солнце — не случайно выбравшееся из-за туч, чтобы показаться, что оно живо-здорово, а одно-единственное во всё огромное чистое небо, склонённое от горы за речку и дальше, чтобы солнцу легче было выкатиться на простор. Возле горы лежала ещё тень, слабая и начинающая подтаивать, от неё, казалось, и натекала небольшая сырость, но вся низина сияла под солнцем, и взрывчато, звёздчато взблескивали там на кустах яркими вспышками погибающие капли воды. И куда всё так скоро ушло — и беспросветная, бесконечная тьма в небе, и дождь, и ночные тревоги и страхи — нельзя было представить.

Костёр догорал, слабый дымок редкой и тонкой прядью уходил прямо вверх. Саня и ступал как-то необыкновенно легко и высоко, словно приходилось затрачивать усилия не для того, чтобы ступать, а чтобы удержаться на земле и не взлететь. Деревья стояли с задранными ветками, и вытянуто, в рост, прямилась трава.

Саню всё в это яркое утро приводило в восторг — и то, как обрывались с кедра и шлёпались о шалаш и о землю последние крупные капли дождя; и то, как умиротворённо и грустно, вызывая какую-то непонятную сладость в груди, затихал костёр; и то, как дурманяще и терпко пахла после дождя лесная земля; как всё больше и больше выбеливалась низина, куда им предстояло идти; и даже то, как неожиданно и дурноголосого, напугав их, закричала над головами кедровка.

Солнце вошло в силу, воздух нагрелся — пора было приниматься за дело. Саня заглянул в своё ведро, стоящее по-прежнему в рюкзаке под кедром — ягода в нём заметно осела и сморилась, и всё-таки больше двух бидонов, прикинул он, в ведро уже не войдёт. Можно не торопиться. Но только начал он брать, только потекла сквозь пальцы первая ягода, ещё больше налившаяся, отличающаяся от вчерашней тем, что произошло в эту ночь и вобравшая в себя какую-то не-

простую её силу, только окунулся он опять в её живую и радостную россыпь — руки заработали сами собой и удержать их было уже невозможно. Под солнцем голубица скоро по-светлела и стала под цвет неба — стояло Сانه на секунду

поднять глаза вверх, ягода исчезала совершенно, растекалась в синеве воздуха, так что приходилось затем всматриваться, напрягать зрение, чтобы снова отыскать её — по-прежнему ясную, крупную, отчётливо видимую.

Я ЭТО ВИДЕЛ!

Саня и не заметил, как набрал один бидон, потом другой... Ведро было полнѐхонько, а он только разохотился. Обвязав сверху ведро чистой тряпичей, которую он для этой надобности и прихватил с собой, чтобы не высыпалась по дороге ягода, он неторопливо стал спускаться по тропке обратно.

Саня сладостно вздохнул — так хорошо было, так светло и покойно и в себе, и в мире этом, о бесконечной, яростной благодати которого он даже не подозревал, а только предчувствовал, что она где-то и для кого-то может быть. Но чтоб для него!.. И в себе он, оказывается, многого не знал и не подозревал — этого, например, нечеловечески сильного и огромного чувства, пытающегося вместить в себя всё сияние и всё движение мира, всю его необъяснимую красоту и страсть, всю обманчиво сошедшуюся в одно зрение полноту. Саню распирало от этого чувства, он готов был выскочить из себя и взлететь, поддавшись ему... он готов был на что угодно.

Захотелось вдруг пить, и он, спустившись к речке, попил, прихлёбывая из ладони.

Солнце поднялось высоко, день раздвинулся шире и стал глубже и просторней.

Всё вокруг было как-то по-особенному ярко и свежо, точно Саня только что попал сюда совсем из другого, тесного и серого, мира или, по крайней мере, из зимы. Воздух гудел от солнца, от его ровно и чисто спадающего светозарного могучего течения; теперь, после ночи, пила и не могла напиться и насытиться солнцем земля. Всякий звук, всякий трепет листочка казался не случайным, значащим боль-

ше, чем просто звук или трепет, чем обычное существование их во дню, как и сам день не мог быть лишь движением времени. Нет, это был его величество и сиятельство день, случающийся на году лишь однажды или даже раз в несколько лет, в своём величии, сиянии и значении доходящий до последних границ.

Мальчик сел на камень возле потухшего костра и, задумавшись и заглядевшись без внимания, окунулся опять в тепло и сияние до конца распахнувшегося, замершего над ним во всей своей благодати и мощи, раскрытой бездонности и нежности, без сомнения, заглавного среди многих и многих, дня. Он сидел и слабой, усыплённой, замороженной и отрывистой мыслью думал: «Что же мне ещё надо? Так хорошо! В одно время он, такой день, и я... в одно время и здесь...»

И когда на обратном пути поднялись они с тяжёлой поклажей на вершину перевала, на тот таёжный каменный «трон», откуда волнами уплывали в дали леса; когда, встав на краю обрыва, оглядел на прощанье Саня это сияющее под солнцем без конца и без края и сияющее уже под ним величественное в красоте и покое первобытное раздолье — от восторга и непереносимо-сладкой боли гулко и отрывисто застучало у Сани сердце: пусть, пусть что угодно — он это видел!

БАЙКАЛ СВЕТИТСЯ...

В поздних и мягких сумерках они вышли к Байкалу, перешли через рельсовую дорогу и в высоко и округло, как остров, стоящем лесном отбое между дорогой и берегом скинули со спин поклажу.

Догорел свет, небо потухло, не давая глубины, и затмилось; сглула выскочили над Байкалом слабые, мутные звёздочки и тут же, как одёрнутые, скрылись.

Резко и отчётливо выделяясь, темнел лес, не вставший ещё сплошной стеной, выказывающий разнорост и глубину.

В нём длинными и тоскливыми вздохами пошумливал верховой ветер. Резко очерчивались густой синью и дальние берега на той стороне Байкала; вода в море, притушенная скучным небом, едва мерцала дрожащим и искривлённым, как бы проникающим из-под дна, свечением...

СОДЕРЖАНИЕ

КРАЙ ВОЗЛЕ САМОГО НЕБА.	5
НА РЕКЕ АНГАРЕ	29
В ТАЙГЕ НАД БАЙКАЛОМ	47

Для младшего школьного возраста
Валентин Григорьевич Распутин

ЗЕМЛЯ РОДИНЫ
Художник П. Багин

Редактор *И. Курджина*. Художественный редактор *Ю. Поливанов*.
Технические редакторы *Е. Соколова*, *М. Копылова*. Корректор *Н. Пьяикова*.

ИН № 1653

Сдано в набор 09.11.83. Подписано в печать 30.07.84. 60×84¹/₂. Бум. офс. № 1. Гарнитура обшк.-нов. Печать офсет. Усл. печ. л. 9,3. Усл. кр.-отт. 58,57. Уч.-изд. л. 7,73. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1339. Заказ № 2644. Цена 1 руб. 30 коп. Издательство «Малыш», 101463, Москва, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР. Рославлиграфпроект Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Р 4803010102-02х 28-84
М 102(03)-84

© Издательство «Малыш» 1984

